

откуда берутся дети; практически нет вещей, способных лишить его аппетита; и он очень боится врачей, особенно бывших однокурсников.

Сущность, содержание, трогающая нас глубина мысли — все они есть лишь в той мере и только в той степени, в которой кто-то другой их преподносит. Отсюда: обучений столько, сколько есть педагогов и школ. Один и тот же предмет, прослушанный у другого учителя, уже не тот, а совсем иной. Знания — это не сама истина, а какой-то конкретный человек, поведавший нам о ней. Мы носим в себе не факты, а точки зрения, поэтому при общегосударственном дипломировании специалистов, только авторство в преподавании может повлиять позитивно на качество подготовки и ее престиж [4]. «Личная честность каждого, работа на совесть на любом участке ... Это и есть патриотизм. И одновременно это фундамент крепкой экономики. А крепкая экономика — это залог независимости, свободы и процветания Беларуси» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин, А. Восследуют и нам в учениях успехи ... / А. Дугин // Однако. — 2012. — №8. — С. 14–19
2. Лукашенко, А. Г. Красуй, вольная наша Радзіма / А.Г. Лукашенко / Выступление на торжественном собрании и концерте мастеров искусств Беларуси и России, посвященном 70-й годовщине освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и Днб независимости Республики Беларусь // СБ. Беларусь сегодня. — 2014 — № 123. — С. 2.
3. Пасяк, О. Плохо с математикой / О. Пасяк // СБ. Беларусь сегодня. — 2014. — № 24. — С. 4.
4. Таранов, П. С. Интриги, мошенничество, трюки / П. С. Таранов — Симферополь: «Реноме», 1997. — С. 523–524.
5. Филимонова, Я. Глупость помогает выживать / Я. Филимонова // СБ. Беларусь сегодня. — 2014. — 11 июня. — С. 16.

УДК 616.89:61(091)

ОТ КАРАТЕЛЬНОЙ ПСИХИАТРИИ — К НЕЗАВИСИМОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Абрамов Б. Э., Подоляко В. А.

Учреждение образования

«Гомельский государственный медицинский университет»

г. Гомель, Республика Беларусь

*Доктор действовал во благо,
Жалко благо не мое*

В. С. Высоцкий

В 2014 г. исполнилось 25 лет Независимой психиатрической ассоциации России. Много всякого и разного предшествовало ее созданию. Особое положение психиатрии среди медицинских дисциплин как стоящей на пересечении естественнонаучного и гуманитарного знания и неразрывно связанной с общественной жизнью, неизбежно привлекает ее в сложные отношения с властью.

История советской психиатрии — это история разгрома всякий раз выдающихся научных направлений — педологического (В. М. Бехтерев, А. П. Нечаев, Л. С. Выготский) в 1924–1926 гг., психогигиенического (Л. М. Розенштейн) в 1936 г., психоморфологического (А. С. Шмарьян, М. О. Гуревич, Р. Я. Голант) в 1951 г. и многих других менее крупных. Тотальная идеологизация и политизация науки, призыв к особой «советской науке» и воинствующей партийности вели к грубому администрированию [1]. Известные диссиденты Владимир Буковский и Семен Глузман приводят в своих воспоминаниях слова профессоров, всерьез считавших, что «инакомыслие может быть обусловлено болезнью мозга, когда патологический процесс развивается очень медленно и мягко ...» Сохранились медицинские документы, в которых не было даже намека на какие-то клинические симптомы: врачи не утруждались даже медицинскими фальсификациями, просто выполняли указания органов.

Кардинальный поворот всей карательной политики наметился на рубеже 1960–1970-х гг., когда стала создаваться широкая и постоянно растущая сеть тюремных психиатрических больниц. По данным доктора исторических наук Л. А. Королевой, к сере-

дине 1980-х гг. было известно о существовании 11 психбольниц специального типа, в число которых входила и Минская. Они находились в ведении МВД СССР, фактически же были в подчинении 5-го управления КГБ. Самыми распространенными диагнозами диссидентов являлись «сутяжно-паранойяльное развитие личности» и «вялотекущая шизофрения». Объявление неудобных людей невменяемыми позволяло, не проводя над ними суда, без привлечения внимания мировой общественности, изолировать их в психиатрических больницах. Существовал и другой вариант — госпитализация без возбуждения уголовного дела в рамках медицинских нормативных положений [3]. Сегодня, когда покровы секретности сняты с массы ранее закрытых документов, неизвестно ни одного факта реального покушения душевно больных на представителей власти. По оценкам исследователей, в Советском Союзе в психиатрические больницы было помещено около трети политических заключенных [2].

По поводу позиции врачей той эпохи есть мнение, что они, ставя несуществующие диагнозы, спасали, таким образом, людей от тюрем и лагерей. Однако диссидентов очень часто помещали не в простые психиатрические больницы, а в заведения специального типа, условия содержания в которых ставят под сомнение эти благородные помыслы. Иосиф Бродский, проходивший принудительную судебно-психиатрическую экспертизу в психиатрической больнице № 2 в Ленинграде в 1964 году, описал в своих воспоминаниях распространенный усмирительный прием — так называемую «укрутку» пациентов: «Глубокой ночью будили, погружали в ледяную ванну, заворачивали в мокрую простыню и помещали рядом с батареей. От жара батареи простыня высыхала и врезалась в тело».

Психиатр Семен Глузман систематизировал все многообразие стрессовых факторов, которое испытали на себе диссиденты, подвергавшиеся принудительной госпитализации. Самым страшным было полное неведение своей участи. Среди других трудностей: чрезвычайная скученность в камерах; предусмотренные ежедневные часовые прогулки сводились к тому, что узников покамерно выводили в небольшие тюремные дворики, лишённые растительности и какого-либо спортивного инвентаря; отправление физиологических потребностей допускалось лишь в установленное администрацией время суток и в строго предусмотренные несколько минут для каждого ...

Психиатр Анатолий Корягин, сотрудничавший с рабочей комиссией по расследованию использования психиатрии в политических целях правозащитной организации «Московская Хельсинская группа», на рубеже 70–80-х гг. проводил психиатрические обследования людей, которые ранее госпитализировались в карательных целях, а также тех, кто боялся, что их в ближайшее время ждет подобная участь. Он обследовал многих жертв политической психиатрии и признал их здоровыми. За свою деятельность был приговорен к 7 годам заключения в лагерях и 5 годам последующей ссылки. Пока он находился в заключении, Генеральная ассамблея Всемирной психиатрической ассоциации присвоила ему статус персонального почетного члена этой ассоциации [3].

В 1989 г. Советский Союз согласился признать, что систематические злоупотребления психиатрией в политических целях действительно имели место, прекратить эти злоупотребления и реабилитировать пострадавших. Этот драматический опыт центрировал задачу отстаивания профессиональных ценностей и профессиональной автономии, создания совершенно необходимой в этой тончайшей сфере атмосферы полной непредвзятости, приоритета здоровья и прав психически больных как слабой стороны. Этим живым историческим опытом были заданы и наименование Ассоциации и приоритеты ее деятельности: разгосударствление, правовая основа и непредвзятость в диагностике, терапии, исследованиях как основа подлинной научности.

В любом обществе особенно авторитарном, существует постоянный прессинг в сторону приоритета интересов государства и общества перед интересами конкретного больного — так называемая полицейская психиатрия. Она нужна на своем месте, когда

речь идет о больных, представляющих непосредственную физическую опасность. Но когда опасностью называют что-то типа «клеветы на советскую власть», и в уголовном законодательстве появляются статьи такого рода, суды начинают посылать на психиатрическую экспертизу множество людей. Какой-то процент из них получает психиатрический диагноз, и этот процесс имеет собственную тенденцию быстрого роста. В глазах общества психиатры становились «крайними» [1].

9–11 марта 1989 г. на Учредительном съезде была создана Независимая психиатрическая ассоциация (НПА) России. 17 октября 1989 г. на Конгрессе в Афинах НПА была принята во Всемирную психиатрическую ассоциацию. Специально сформированная для пересмотра диагнозов Этическая комиссия Всесоюзного общества психиатров дала те же результаты. Этот впечатляющий итог повлек в 1989–1991 гг. снятие с психиатрического учета около 1,5 млн человек, что отражало масштабы «использования психиатрии в немедицинских целях».

НПА России началась с создания общественной приемной для граждан, считающих, что их права нарушены. За прошедшие годы через нее прошли более 15 тысяч человек. Обширна консультативная переписка Ассоциации. Была создана Экспертная комиссия из 3-х психиатров, психолога и юриста, проводящая комплексные экспертизы случаев нарушения прав человека в области психиатрии с подготовкой заключений и последующими выступлениями в судах. Таких экспертиз было проведено около 4 тысяч. Члены НПА принимают активное участие в законотворческой деятельности, работая и проводя экспертную оценку законопроектов, связанных с психическим здоровьем. С 1990 г. началась издательская деятельность НПА: вышел первый сборник Ассоциации «Пути обновления психиатрии», с 1991 г. выходит «Независимый психиатрический журнал», издаются книги. Все это удалось сделать на средства премии Фритьофа Нансена, который получил и передал НПА правозащитник и психиатр Анатолий Корягин, а также помощь международной организации IAPUP. В рамках НПА организованы: «Открытые клинические разборы» с публикацией их в журнале; «Общество клинических психотерапевтов»; межконфессиональные встречи «Психиатрия и религия»; Российское отделение международного общества «Философия и психиатрия»; юридическая Служба Ассоциации; образовательные программы. В научном плане, среди многих направлений исследования следует особо отметить целенаправленное внимание и вклад НПА в разработку пропедевтики психиатрии и ее философские основы.

Приоритетами НПА России являются:

1. Борьба за научность, которая в психиатрии в наибольшей мере связана со сложной, требующей тренинга техникой непредвзятого опроса и описания, т. е. феноменологическим методом, пренебрежение которым делает зыбким все последующие результаты и построения и легко ведет к «научной мифологии».

2. Борьба за соблюдение прав лиц с психическими расстройствами, за исполнение закона о психиатрической помощи, за права недееспособных — самой уязвимой категории граждан.

3. Борьба против ведомственности и тотального огосударствления психиатрии, за состязательность экспертных заключений, судебных и внесудебных, что обеспечивает и высокий профессиональный уровень и адекватность решений по конкретным делам, без чего экспертиза быстро вырождается в «чего изволите».

Освободившись от тяжелого наследия, и Белорусская Психиатрическая Ассоциация является полноправным членом Всемирной психиатрической ассоциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. 20 лет Независимой психиатрической ассоциации России. — М., 2009. — 12 с.
2. Воронов, В. «Психиатрия» в штатском / В. Воронов // Совершенно секретно. — 2014. — № 14. — С. 4.
3. Крючкова, А. А. тех, кто против, — лечить / А. Крючкова // Аргументы и факты в Белоруссии. — 2014. — № 28. — С. 6.